

О. В. Зуева (Минск)

ЯЗЫК ПИСЬМОВНИКОВ XV–XVI ВЕКОВ В СИСТЕМЕ СТАРОРУССКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Среди рукописных сборников допетровской Руси представлены письмовники – собрания образцовых посланий. Древнейший непере-водной письмовник датируется к. XV в. («Неозаглавленный пись-мовник», II и III ред., далее НП), генетически он связан с южнославян-ским сборником сер. XIV в., составленным при правлении сербского короля Стефана Душана [1] и попавшим на русские земли при митро-политах Киприане или Фотии. От XVI в. известны компиляции из тек-стов НП, письмовник «Посланиям начало» (ок. 1541 г., далее ПН), «Азбучный письмовник» (к. XVI в., далее АП). Эти памятники отно-сятся к книжной словесной культуре; содержательно и стилистически они значительно отличаются от образцовых писем XVII в. – примеров бытового общения и демократической сатиры.

Большинство текстов в названных письмовниках представляют собой вступительные и заключительные фрагменты посланий; в АП представлены только способы обращения к адресату. Несмотря на ма-лый объем, для изучения истории русского литературного языка пись-мовники XV–XVI вв. важны: они отражают жанровые разновидности средневековых эпистолярных текстов (именно взгляд «изнутри», а не современную классификацию), а также фиксируют примеры языково-го употребления, признанные как образцовые самими представителя-ми языковой культуры той эпохи.

Типология посланий в письмовниках основана на экстралингви-стических параметрах: характеристике адресата или предмете речи, например: *к князю, к властелину, ко игумену, к брату* (НП); *послание за вину, избрано от святых книг* (ПН); *к другу в полк, к старицу в оби-тель, непостоянну другу с посмехом* (АП) и др. Таким образом, сбор-ники предлагают образцы официальных и неофициальных, светских и духовных писем, причем в текстах НП и ПН адресат имеет вышестоя-щий статус. Разграничение посланий, однако, остается условным, т. к. содержательная часть почти у всех текстов отсутствует, а наблюдения над подлинным древне- и старорусским эпистолярием показали, что *формулы* зачина нередко обусловлены *характером адресата*, а не ти-

пом письма [3, с. 18]. Данные письмовников полностью это подтверждают. Так, в письмовниках клише *челом бьет* и стержневое слово *метание* в формулах приветствия используются только в письмах к светским адресатам; в посланиях же к духовенству употребляется слово *смирненнометание* (формула со словом *метание* отмечена нами в подлинных письмах единично, текст XV в.; оборот модели *У-ку Х смирненнометание* в них вообще отсутствует). Тексты НП и ПН фиксируют постоянные эпитеты, хорошо известные средневековой переписке: князь – *благородный, благочестивый, боговенчаный, Богом почтенный* и др.; священник – *всечестный, добродетелью украшенный, смирennemудрый* и т. д. Обращения, предлагаемые в АП, практически не использовались в реальной эпистолярной практике; в первую очередь это касается образцов обращений к близким, например: *трисоставным светом просвещенному, источнику приснотекущему, другу милосердому* [2, с. 595]. Возможно, читатели этого письмовника воспринимали его не как «пособие», а как художественный текст.

Различия между текстами, обнаруженные на уровне элементов структуры и выражающей их лексики, отсутствуют на уровне грамматики. Во всех текстах НП и АП представлен один тип письменного языка – церковнославянский строгой нормы. В посланиях этого сборника выдержана сложная система претеритов, книжные формы имен, инфинитива, императива, причастий и т. д.: *закоснех, обретох, несмь внесл, велика ти княжения, величеству твоеа святости, о Христе съвършенне помянутися, да пребывает господство ти, преминую сию жизнь Богу благоволящу преходя* и т. д. (как маркированные русизмы отмечены только формы *всякого супостата* и *великого господства*). Из примеров видно отражение II южнославянского влияния. Даже единственное в НП послание брату, очевидно частное, написано книжным языком.

Сборник ПН, более пространный, содержит тексты строгой и сниженной церковнославянской нормы. Снижение нормы происходит за счет включения в послания «от святых книг» формул деловой и бытовой переписки [2, с. 581, 587], что отмечалось нами и в подлинных официальных служебных письмах духовных лиц.

Ученые приходят к неодинаковым выводам о степени влияния образцовых посланий на манеру ведения подлинной переписки: от

утверждения значительного сходства [4] до указания на существенные различия [3] между «эталонными» и оригинальными посланиями. Очевидно, для разрешения противоречий следует учесть типологические различия сравниваемых в каждом случае текстов, т. к. и примеры письмовников, и примеры не ставших образцовыми посланий представляют собой неоднородный тематически, композиционно и лингвистически материал. Изученные нами конкретные послания позволяют утверждать, что сходство их с материалами письмовников является в большинстве случаев концептуальным, а не вербальным.

Лингвостилистический анализ письмовников показал, что различение типов посланий, представленных в них, без знания заголовка текста может быть проведено очень условно. Основной параметр противопоставления текстов – мирской/духовный адресат; этот параметр значим и при анализе распределения формул, причем правомерность этого вывода подтверждают и материалы «обычных» старорусских писем. Тип языка подавляющего большинства посланий – церковнославянский строгой нормы. Реализация этого типа языка в письмах, претендующих на образцовые, не удивительна: она отражает престижность церковнославянского языка для русского средневекового сознания. В реальной эпистолярной практике, однако, названный тип языка использовался ограниченно, преимущественно в частной или официальной духовной и официальной фатической переписке XV–XVI вв. Несоответствие подобного стиля тональности подлинной частной переписки не могло не отмечаться читателями письмовников, что отразилось в пародировании «вычурного» стиля в письмовниках XVII–XVIII вв.

1. Древнейший южнославянский письмовник третьей четверти XIV века // Русский феодальный архив XIV – первой трети XV века: в 4 т. / под ред. В. И. Буганова; АН СССР, Ин-т ист. СССР. – М., 1986–1988. – Т. 3. – С. 563–570.

2. Демин, А. С. Литературные черты древнерусских письмовников / А. С. Демин // О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / А. С. Демин; отв. ред. В. П. Гребенюк. – М., 2003. – С. 178–219, 571–605.

3. Зуева, О. В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII в. и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / О. В. Зуева; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009.

4. *Панкратова, Н. П.* Из истории частной переписки на Руси / Н. П. Панкратова // Изучение русского языка и источниковедение / отв. ред. В. Ф. Дубровина. – М., 1969. – С. 127–155.